

УДК 330.101.52

В. Н. ТАРАСЕВИЧ,
*профессор, доктор экономических наук,
завкафедрой политической экономии
Национальной металлургической академии Украины
(Днепропетровск)*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОДИНАМИКА В ФИЛОСОФСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭКОНОМИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Предложен вариант взаимного тестирования общих философско-научных атрибутов экономико-теоретического знания и главных положений экономической социодинамики. Акцентируется внимание на общественной обусловленности, философских основах экономической социодинамики, ее позиционировании в картинах экономической реальности, а также в системе идеалов и норм научности. Определены содержательные характеристики научной конструкции экономической социодинамики.

Ключевые слова: экономическая социодинамика, экономико-теоретическое знание, комплементарность полезностей, несводимость интересов, социодинамический процесс, индивидуализм, холизм, коммунитаризм, теоретические схемы (модели).

V. N. TARASEVICH,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Head of the Chair of Political Economy,
National Metallurgical Academy of Ukraine
(Dnepropetrovsk)*

ECONOMIC SOCIODYNAMICS IN THE PHILOSOPHICAL SPACE OF ECONOMIC-THEORETIC KNOWLEDGE

A version of the mutual testing of general philosophical-scientific attributes of the economic-theoretic knowledge and the principal positions of economic sociodynamics is proposed. The attention is paid to the social stipulation, philosophical foundations of economic sociodynamics, and its positioning in patterns of the economic reality and in the system of ideals and norms of the scientific knowledge. The substantive characteristics of a scientific construction of economic sociodynamics are determined.

Keywords: economic sociodynamics, economic-theoretic knowledge, complementarity of utilities, irreducibility of interests, sociodynamical process, individualism, holism, communitarism, theoretical schemes (models).

В выносимой на суд читателя статье продолжается изложение некоторых результатов исследований философско-научной проблематики экономико-теоретического знания (ЭТЗ). Если ранее в центре внимания находились общие положения о строении, структуре и генезисе ЭТЗ [1], то здесь сегодня — их применение в анализе экономической социодинамики (ЭСД) Р. Гринберга и А. Рубинштейна. Речь идет

Тарасевич Виктор Николаевич (Tarasevich Viktor Nikolaevich) — e-mail: v_tarasevich@list.ru.

о взаимном тестировании * указанных общих положений и базовых постулатов ЭСД, которое может катализировать их соразвитие.

О содержании и обусловленности ЭСД

Основу ЭСД составляют феномен несводимых потребностей общества и переход от постулата методологического индивидуализма к более мягкому принципу комплементарности индивидуальной и социальной полезностей благ, допускающему наличие групповых предпочтений наряду с предпочтениями индивидуумов. При этом комплементарность полезностей трансформируется во взаимодополняемость субъектов рыночного обмена: к совокупности индивидуумов добавляется государство как рыночный субъект, миссия которого состоит в реализации нормативных интересов общества. В таких обстоятельствах условия равновесия определяются общей формулой, в соответствии с которой предельные издержки уравниваются суммой предельной индивидуальной и предельной социальной полезностей [2, с. 35].

Доминантный рыночный механизм трансформирует потребности отдельных индивидуумов – рыночных субъектов – в сводимый интерес общества в качестве мегаиндивидуума (агрегата рыночных субъектов). Интерес общества, выявляемый политической системой несводимых к сумме индивидуальных интересов, имеет ценностную природу и “материализуется в форме дополнительного спроса, предъявляемого некоммерческой организацией – государством (далее – меритором) в отношении конкретного блага” (лемма I) [3, с. 257–259].

Каковы истоки несводимых потребностей (интересов) общества? В соответствии с постулатом социального иммунитета, отражающего действие телеологического механизма, “всякое общество обладает “иммунной системой”, порождающей социальные интересы, направленные на самосохранение этого общества”. “Иммунная энергия общества позволяет преодолевать барьер межличностных сравнений полезностей и в разные моменты истории “включает” политические механизмы формирования несводимых интересов социума – ценностные суждения, не выявляемые стандартными рыночными механизмами” [3, с. 253]. “Ответственное” за реализацию этих социальных интересов государство “выступает в качестве самостоятельного субъекта рынка” [2, с. 90] и руководствуется постулатом социальной мотивации, стремясь реализовать свой обособленный (несводимый общественный) интерес как наилучший судья своего благосостояния [3, с. 250].

Поскольку при определенных обстоятельствах любое частное благо может удовлетворять не только индивидуальные, но и несводимые общественные потребности (НОП) **, и рыночный спрос на него со стороны мегаиндивидуума дополняется спросом меритора ***, постольку это частное благо, оставаясь таковым для отдельных индивидуумов, выступает в качестве общественного товара для пары носителей различных интересов – мегаиндивидуума и меритора (лемма II) [3, с. 260]. В соответствии с социодинамическим принципом инверсии, социальная опека любого частного блага, которое индивидуумы приобретали в разных количествах, но по единой цене, порождает социальную мутацию этого блага и приводит к инверсии его равновесных цен и количества: мегаиндивидуум и меритор получают ставшее для них общественным благо в одинаковом количестве, но по разным ценам (лемма III) [3, с. 261].

* Имеется в виду изучение их взаимных соответствия, интерактивности и обогащения.

** В трактовке авторов ЭСД концепты “НОП”, “несводимые потребности общества”, “несводимый общественный интерес”, “несводимый интерес общества”, “социальная полезность”, “социальный интерес” несут одинаковую содержательную “нагрузку”.

*** В категориях ЭСД в данном случае речь идет о спросе меритора на частное благо как особой форме социальной опеки последнего со стороны меритора.

Инверсия цен и количества блага отражается в инверсии стандартных условий равновесия (рис. 1). В обобщенной версии последнего, с учетом того, что на рынке одновременно оперируют индивидуальные субъекты с присущими им предпочтениями, которые "сводятся" в совокупный интерес мегаиндивидуума U_I , и действующая от лица общества некоммерческая организация-меритор, стремящаяся реализовать выявляемые политической системой общественные предпочтения U_S , равновесие достигается в точке M , в которой предельные издержки MC_R , представленные прямой предложения S , уравниваются суммой предельной индивидуальной полезности MU_I (прямая U_I) и социальной полезности блага MU_S (прямая U_S): $U = U_I + U_S$, где U – совокупный спрос мегаиндивидуума и меритора на благо (лемма IV) [2, с. 261–262].

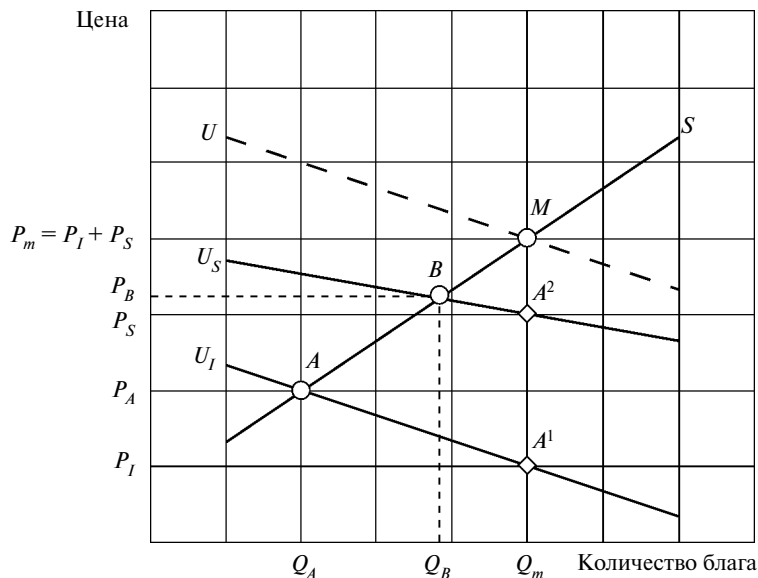

Рис. 1. Равновесие в экономической социодинамике

Однако указанное равновесие – исключительно частный случай, промежуточная фаза социоэкономической динамики. В общем случае в результате действия внутренних факторов и их взаимодействия с внешней средой в телеологическом объединении энергетики отрицательной и положительной обратной связи происходят динамические изменения полезностей, отмирание старых и актуализация новых несводимых потребностей общества, превращающих равновесие в краткий миг, череда которых и составляет траекторию эволюции [3, с. 266, 268]. В результате непрерывной деятельности государства, направленной на реализацию НОП, создается социальный эффект в виде качественного улучшения общественной среды (первая стадия), который благодаря присущей индивидуумам склонности к созиданию и адекватным институтам становится достоянием индивидуумов на второй стадии [3, с. 275, 277]. Этот процесс самовозрастания совокупного потребительского результата характеризуется социодинамическим мультипликатором экономического роста [3, с. 289]. С его помощью доказан принципиально важный тезис: "...Реализация социального интереса <...> порождает такие экономические последствия, в том числе вторичные индивидуальные выгоды, при которых каждый субъект рынка не ухудшает своего положения" [3, с. 290, 292–311].

Непосредственным развитием ЭСД стала разработка А. Рубинштейном социальной типологии благ и НОП, социодинамической эволюционной модели благ, а также законов экономической социодинамики. На основе возможных комбинаций трех фундаментальных социальных свойств благ – индивидуальной, социальной

полезностей и коммунальности в потреблении – выделены пять непересекающихся групп благ: частные, социальные, коммунальные, смешанные, смешанные коммунальные [4, с. 93–95]. Их циклы и квазициклы, отражающие переходы блага из одной группы в другую в результате изменения соответствующих социальных свойств и вариации настоятельности НОП внутри цикла [4, с. 128, 147], отнюдь не хаотичны и бессистемны. Социодинамическая эволюционная модель благ как раз и представляет достаточно целостную динамическую картину всей совокупности потребляемых товаров и услуг [4, с. 157–190]. Гипотеза об изоморфизме совокупности благ и удовлетворяемых ими НОП открыла путь к определению и социодинамической характеристике базовых видов указанных потребностей: структуроисправляющих, регулятивных, мериторных, компенсаторных и базовых [4, с. 191, 267] и дополнительному обоснованию одного из фундаментальных положений ЭСД, согласно которому в общем случае рыночное равновесие формируется во взаимодействии сводимых и несводимых потребностей общества, в конфликте последних с индивидуальными предпочтениями всех субъектов рынка [4, с. 268].

Рождение и 15-летняя эволюция ЭСД убеждают в том, что она стала закономерной и своевременной реакцией фундаментальной экономической науки (ФЭН) на глобальные сдвиги и трансформации на рубеже тысячелетий, в том числе на гибель государства советского типа, смену социально-экономической системы, становление государственности новых независимых стран в условиях беспрецедентных потерь национального богатства и безапелляционной экспансии североамериканского консерватизма, предъявившего претензии на мировое лидерство, и не только интеллектуальное. Сформированное не без его влияния большое, “неуклюжее”, приватизированное олигархатом общественно неэффективное российское государство 90-х годов XX в. оказалось орудием дикой капитализации, примитивно рыночной “войны всех против всех” и деградации общества.

Исторический излом на рубеже тысячелетий обнажил и то, что скрывалось за благополучием “золотого миллиарда”: государство и рынок неоклассиков и кейнсианцев во многом не отвечают новым реалиям развитых стран, демонстрируют бессилие перед алчностью богатейшего меньшинства и ущемлением интересов небогатого большинства. Поэтому вполне понятен императивный социальный “заказ” на новое видение смешанной экономики, на теорию капитального “ремонта”, перестройки выстроенных ранее “зданий” рынка и государства.

Отвергнув крайности либертарианства, методологического индивидуализма и грубого коммунизма, этатизма, Р. Гринберг и А. Рубинштейн предпочли, по мнению А. Чехова, срединное поисково-познавательное “поле”, где ищущий человек, не примыкая к существующим противоположным идеологиям, неустанно ищет “своего бога”, опираясь на свой внутренний духовный опыт [5]. Это позволило предоставить ЭСД объективно необходимую в современных условиях социально-либеральную направленность. Правда, А. Рубинштейн убежден в идеологической нейтральности ЭСД, поскольку “нормативный интерес всегда субъективен и зависит от того, что вкладывают в понятие “должно быть” люди, обладающие правами формулировать общественный интерес” [2, с. 204–205]. Убежденность А. Рубинштейна в идеологической нейтральности ЭСД заслуживает уважения, поскольку отражает позицию беспристрастного, объективного и далекого от политики (в ее, так сказать, “современном” понимании) ученого, который искренне желает, чтобы и его детищу были имманентны подобные черты. Однако важно четко разграничивать объективное содержание научной конструкции, ее собственное “я” и близость ее базовых, системообразующих идей объективным интересам вполне определенных со-

циальных слоев *, с одной стороны, и интерпретацию содержания и (или) отдельных идей научной конструкции выразителями интересов определенных социальных слоев, в том числе и тех, интересам которых она не отвечает, — с другой.

В этой связи, во-первых, необходимо различать объективно существующий нормативный интерес общества, который политическая система призвана в большей степени адекватно отражать, чем формировать, и его интерпретации "левыми" или "правыми". По сути, указанные интерпретации уж очень близки к базовым интересам интерпретаторов, хотя по форме могут быть самыми привлекательными и "общественными". Во-вторых, важно понять, чьим конкретно интересам отвечают адекватное отражение и формирование нормативного общественного интереса; не адекватны его содержанию интерпретация, а также формирование, по существу, антиобщественного интереса. В-третьих, нельзя отождествлять общественные настроения и запросы, в ответ на которые разрабатывается научная конструкция, и интересы вполне определенных социальных слоев, которым (интересам) она отвечает.

Указанные проблемы не имеют простых решений и требуют серьезного самостоятельного осмысления. За неимением такового рискуем воспользоваться известным правилом интуиции: верная постановка проблемы обеспечивает наполовину правильное решение. Если очерченные проблемы "репрезентативны", то правомерно предположение о наибольшей близости ЭСД базовым интересам отнюдь не крупных капиталистов-олигархов, а средних социальных слоев, тех "двух третей", которым в конечном итоге развитое общество обязано существованием и стабильным процветанием и которые так трудно формируются в Украине.

О философских основаниях и потенциале ЭСД

Своим конкурентоспособным содержанием ЭСД во многом "обязана" авторскому синтезу холизма, эволюционизма и синергетики, в котором холизм претендует на доминирование. Однако его потенциал еще далек от полной актуализации. В самом деле, если бы после памятного для авторов ЭСД обсуждения 1998 г. им не "пришлось уточнить само понятие несводимого интереса" [2, с. 31–32] и таким образом доминантой дальнейших исследований сделать НОП II рода, а не НОП I рода **, то постулат методологического индивидуализма мог бы быть "атакован" ими в его "святая святых" — на рынке свободной, чистой конкуренции. О чем идет речь? Рыночная система — это вполне конкретное и относительно обособленное целое, которое, по определению (холистическому), обладает качествами, не сводимыми к свойствам ее частей — рыночных субъектов (индивидуумов). Следовательно, необходимо согласиться с существованием некоторых общерыночных (рыночной системы как таковой) потребностей, не сводимых к индивидуальным потребностям рыночных субъектов, и таким образом поставить под сомнение всеобщность неоклассической версии постулата сводимости в целом и правила определения полезности мегаин-

* Например, наемный работник может быть приверженцем либеральных или социал-демократических взглядов, но его базовым экономическим интересам отвечает не теория факторов производства, а теория прибавочной стоимости, нравится это кому-то или нет.

** Несводимые потребности общества представлены в двух взаимосвязанных ипостасях. Во-первых, с позиций эмерджентности признается "наличие групповых и общественных потребностей, не сводимых к простой арифметической сумме потребностей индивидуумов" [6, с. 84]. Такие несводимые потребности будем называть несводимыми общественными потребностями I рода (НОП I рода). Во-вторых, в контексте двух ветвей формирования агрегированных общественных интересов "понятие несводимости... означает лишь то, что интересы, выявляемые политической системой, не могут быть представлены в виде агрегата предпочтений индивидуумов, выявляемых рыночным путем" [2, с. 32]. Такие несводимые потребности будем называть несводимыми общественными потребностями II рода (НОП II рода). Именно последние находятся в центре внимания авторов ЭСД.

дивидуума простым суммированием индивидуальных полезностей, а объема рыночного спроса – суммированием объемов индивидуального спроса в частности. Речь идет не об отказе от постулата сводимости, а о констатации его неполноты даже в отношении адекватного описания только рыночных процессов. Таким образом, потребности политической системы как таковой являются не сводимыми к индивидуальным интересам политических субъектов. Если же признать взаимную несводимость указанных несводимых потребностей I рода (рыночной системы как таковой и политической системы как таковой), а также существование НОП II рода, то получим своеобразный “четыреугольник” несводимости, который не ортодоксален по определению и требует специального анализа.

Размышляя над неортодоксальными философскими основаниями ЭСД, трудно избавиться от мысли, что с открытием пути к реализации базовой предпосылки комплементарности индивидуальной и социальной полезностей эти основания пока не вполне использованы для конструирования более сложной модели человека, чем ортодоксальная модель homo oeconomicus. О чем идет речь? Поскольку общество, кластер * и индивидуум являются “альфой и омегой” ЭСД, воспользуемся отдельными аспектами синергетической версии диалектики общего, особенного и единичного ** для осмысления упомянутой сложности. Ограничимся только некоторыми тезисами о диалектике потребностей.

Если не отождествлять потребности общества с общественными потребностями, потребности кластера – с кластерными (групповыми), а потребности индивидуума – с индивидуальными, то каждая из вершин “треугольника” потребностей (рис. 2) представляет своеобразный “n-угольник”, углы которого символизируют первичные (базовые) и производные потребности. Последние образуются в результате взаимодействия первичных потребностей; первичных и производных; производных потребностей. Так, потребности индивидуума включают *** первичные (собственно индивидуальные – уникальные, присущие исключительно данному индивидууму; индивидуально-общественные – общие для всех индивидуумов, формирующих общество; индивидуально-кластерные – общие для всех индивидуумов, образующих кластер) и производные (индивидуализированные собственно общественные (в категориях ЭСД – несводимые потребности общества); индивидуализированные собственно кластерные (несводимые потребности кластера); синергетические индивидуальные, формирующиеся в результате взаимодействия индивидуальных потребностей).

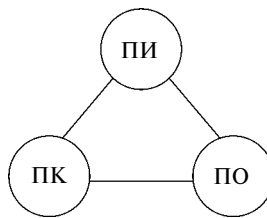

Рис. 2. Схема “треугольника” потребностей

Условные обозначения: ПИ – потребности индивидуума; ПК – потребности кластера; ПО – потребности общества.

* Далее вместо привычных терминов “группа”, “слой”, “сословие” будем использовать термин “кластер”. Как убедительно показал В. Макаров, социальные кластеры, в отличие, например, от сословий, по определению равноправны [7].

** Эта версия предполагает не только стандартную взаимную включенность и взаимные переходы общего, особенного и единичного, но и наличие синергетических эффектов их взаимодействия. Следовательно, в этом случае налицо не диа-, а триалектика.

*** Здесь не преследуется цель дать полный перечень первичных и производных потребностей.

Наряду с потребностями индивидуумов, потребности кластера включают: кластерно-общественные — общие для всех образующих общество кластеров (первичные); кластеризированные собственно общественные; собственно кластерные или кластеризированные индивидуальные* (производные).

В состав потребностей общества входят не только потребности индивидуумов и кластеров, но и общественные — общие для всех индивидуумов и кластеров общества (первичные); обществизированные собственно индивидуальные; обществизированные собственно кластерные; обществизированные индивидуальные; обществизированные кластерные (производные).

Несмотря на схематизм, неполноту и другие несовершенства, предлагаемая типология потребностей, отражающая их взаимосвязи в вершинах "треугольника" потребностей, позволяет обозначить степень или градус методологического индивидуализма, равно как и методологического этатизма и методологического кластеризма, а также сферы или области их взаимопроникновения.

Методологический индивидуализм I, высшей степени предполагает абсолютное, безоговорочное доминирование собственно индивидуальных потребностей над всеми иными. Первые венчают иерархию последних и детерминируют их изменение по критериям своекорыстия. Для методологического индивидуализма II степени характерны, во-первых, синархия первичных индивидуальных потребностей при доминировании собственно индивидуальных; во-вторых, иерархические связи этого синархического образования с гетерархически или анархически структурированными производными потребностями**. Важнейшими содержательными признаками методологического индивидуализма III степени являются синархия первичных индивидуальных потребностей с их ситуативным доминированием и синархические связи этого синархического образования с синархически или гетерархически структурированными производными потребностями. Методологический индивидуализм IV степени продолжает традицию доминирования первичных индивидуальных потребностей, но является не абсолютным, а ситуативным, с учетом доминирующих синархических и гетерархических связей производных потребностей. Таким образом, по мере продвижения от I к IV степени градус методологического индивидуализма снижается, он становится все "мягче" и эластичнее.

* В данном случае речь идет о собственно кластерных потребностях, которые являются синергетическим результатом взаимодействия соответствующих индивидуальных.

** В отличие от иерархии и анархии, гетерархия и синархия менее изучены и востребованы экономической наукой. Опираясь на их философскую и общенаучную трактовку, в дальнейшем будем считать, что анархические связи потребностей спонтанны и неупорядочены, неустойчивы и мимолетны. Гетерархия предполагает равноценность, самоценность и значительное количество степеней свободы потребностей, приоритет разнонаправленности их динамики над однонаправленностью. Гетерархические связи упорядоченнее и устойчивее анархических, поскольку предполагают достаточно развитую координацию потребностей. Правда, эта координация полицентрична и весьма подвижна, — в зависимости от обстоятельств роль доминанты поочередно спонтанно выполняют разные потребности.

Для синархии характерно не меньшее количество степеней свободы потребностей, но единая направленность их динамики доминирует над разнонаправленностью. Синархические связи не только координационны и органичны, но и субординационны по мере доминирования указанной однонаправленности над разнонаправленностью. В иерархии безусловно доминируют однонаправленная упорядоченность и жесткая субординация потребностей.

Примером конкретных форм рассмотренных связей могут служить политические режимы и формы государственного устройства: тоталитаризм (авторитаризм) и жестко централизованное унитарное государство более адекватны крайним проявлениям иерархии, в демократической федерации превалируют синархические связи, в демократической конфедерации — гетерархические. Анархические связи доминируют в периоды распада и гибели государств.

Подобным образом могут быть обозначены I, II, III и IV степени * методологического этатизма и методологического кластеризма. Тогда сферы взаимодействия потребностей, соответствующих II, III и IV степеням методологического индивидуализма и IV, III, II степеням методологического этатизма, могут считаться переходными между методологическим индивидуализмом и методологическим этатизмом. Аналогично сферы взаимодействия потребностей, соответствующих II, III и IV степеням методологического индивидуализма и IV, III, II степеням методологического кластеризма, являются переходными между методологическим индивидуализмом и методологическим кластеризмом, а сферы взаимодействия потребностей, адекватных II, III и IV степеням методологического кластеризма и IV, III, II степеням методологического этатизма, — переходными между методологическим кластеризмом и методологическим этатизмом.

Используя указанные построения, с известной долей условности можно предположить, что продолжающие линию Дж. Локка современные теории общественного благосостояния (П. Самуэльсон и А. Бергсон), институционализма (Р. Сагден, М. Тейлор), конституционной экономики (Дж. Бьюкенен), допускающие признание индивидуумом общественного интереса в качестве собственного [3, с. 338], а также соответствующие взгляды Х. Марголиса, Р. Масгрейва, А. Некипелова, В. Полтеровича адекватны не I, а II степени методологического индивидуализма. Имманентный же ЭСД принцип комплементарности индивидуальной и социальной полезностей позиционируется в сферах взаимодействия потребностей, соответствующих III и IV степеням методологического индивидуализма и IV и III степеням методологического этатизма; III и IV степеням методологического индивидуализма и IV и III степеням методологического кластеризма **.

Если принять во внимание, что указанные сферы адекватны пространству методологического коммунитаризма, то становится понятной известная схожесть ЭСД с мировоззрением и учениями современного коммунитаризма, в которых автономия личности сохраняется посредством новой интеграции, и таким образом соблюдается баланс между индивидуалистическими и коллективистскими ценностями [8]. В связи с этим ЭСД могла бы стать теоретической основой и ключевой составляющей зарождающегося экономического коммунитаризма или коммунитарной экономики. Однако критическое освоение идей коммунитаризма могло бы способствовать дальнейшему развертыванию ЭСД. Но в каком направлении?

О позиционировании ЭСД в картинах мира и экономической реальности

А. Рубинштейн небезосновательно считает, что П. Самуэльсон и К. Эрроу, сформулировав свои выводы о невозможности децентрализованного выбора лучшего состояния мира на основе индивидуальных предпочтений, социального выбора, соответствующего рациональным правилам, обнаружили тупики стандартной теории и подвели теорию к необходимости “куновского скачка от одной господствующей парадигмы к другой” [2, с. 103]. Искомая парадигма связывается авторами ЭСД с переходом методологического индивидуализма к комплементарности индивидуальной и социальной полезностей. В то же время они считают ЭСД развитием, модернизацией неоклассической теории [3, с. 16] и неоклассической картины экономической реальности (КЭР).

* Конечно, таких степеней может быть и больше, и меньше.

** Комплементарность представляет лишь *один из видов* взаимодействия потребностей. В определенных условиях не менее значимы взаимодействия субституциональные, генерационные, симбиотические, синтетические и др.

С одной стороны, стремясь преодолеть разрыв между последней и реалиями, авторы попытались трансплантировать в ее "тело" некоторые компоненты неклассической общенаучной картины мира (ОНКМ) (уровневая организация сложной системы, холизм, набор обратных связей) и постнеклассической ОНКМ (саморегуляция с фазовыми переходами, современный эволюционизм) и таким образом методологически подготовить "глубокий реверанс" ортодоксии. Речь идет, в первую очередь, о включении государства в состав рыночных субъектов и соответствующей модернизации обобщенной авторами модели Викселля – Линдаля (см. рис. 1); фундаментальной разработке социодинамического мультипликатора экономического роста, по отношению к которому мультипликатор Дж.М. Кейнса представляет частный случай. Однако вполне логичен следующий шаг – включение в указанную модель, наряду с агрегированным совокупным интересом U_I и нормативным интересом U_S [2, с. 82–83], несводимого рыночного интереса U_m . Если авторы решатся на такой шаг, то их "глубокий реверанс" ортодоксии будет сопровожден оригинальным и, в хорошем смысле, вызывающим жестом. Впрочем, это всего лишь возможное будущее.

С другой стороны, пытаясь модернизировать неоклассику, Р. Гринберг и А. Рубинштейн выходят за ее границы. Во-первых, приняв "гипотезу А. Некипелова" о ценностной природе несводимых общественных интересов [2, с. 76–78] и "поручив" политической системе их выявление и формирование, они шагнули в пространство институциональной КЭР. Такой шаг предполагает и некоторые дополнительные обязательства, и новые возможности. Например, с одной стороны, если ограничиться простой констатацией "гипотезы А. Некипелова" и, таким образом, оставить "центр тяжести" исследований в неоклассической КЭР, то трудно спорить с диктуемой "гильотиной Д. Юма" ("невозможно вывести то, что должно быть, из того, что есть"), несоизмеримостью несводимых общественных интересов с выявляемыми рыночным путем индивидуальными предпочтениями [2, с. 78] и последующими выкладками обобщенной модели Викселля – Линдаля. Но тогда авторы сталкиваются с более общей и серьезной проблемой соотношения нормативного и позитивного начал в ФЭН. Насколько правомерно использование нормативных конструкций ("ценностных суждений") для развития позитивных научных положений? Как писал М. Фридмен, "наука есть наука, а этика есть этика"; человеку нужно и то, и другое; но мы лишь запутаемся и ничего не поймем, если не будем разделять их, пытаясь абсолютность этических максим сочетать с относительностью научных результатов" [9, с. 56]. С другой стороны, если не ограничиваться простой констатацией и разрабатывать гипотезу А. Некипелова на адекватном материале институциональной КЭР, то следует начать с признания имманентности ценностных суждений "по поводу уровня потребления данного блага" [2, с. 82] не только сообществом индивидуумов в целом, но и каждым индивидуумом. Тогда, по логике движения сложной институциональной системы, взаимодействующие ценностные суждения индивидуумов образуют как сводимые, так и несводимые ценностные суждения сообщества индивидуумов. "Гильотина Д. Юма" здесь не вполне применима, ибо, во-первых, имеющие единую природу ценностные суждения соизмеримы, а во-вторых, и это главное, одной из задач институциональных исследований как раз и является выведение "должного" из "наличного".

Постулируемое в стандартной теории условие в предпочтениях субъектов рынка любых интересов социума, включая интересы общества как такового, выполняется и в ЭСД, но посредством расширения состава субъектов рынка в результате включения государства, реализующего интерес общества как такового [2, с. 156], причем только в

* Как известно, в мейнстриме "нормативное = этическое" [9, с. 57].

заключительной фазе динамического процесса отрицательных и положительных обратных связей. Иными словами, для расширения неоклассической КЭР и выполнения при этом стандартного условия потребовалось дополнить стационарную модель равновесия описанием длинновременного эволюционного процесса и таким образом шагнуть в эволюционную область институциональной КЭР. Это верно и в отношении социодинамической эволюционной модели товаров и услуг в “Экономике общественных предпочтений” [4, с. 115–190]. Конечно, была бы интересной попытка “динамизации” или “эволюционизации” и обобщенной авторами ЭСД модели Викселля – Линдаля. Не исключено, что некоторые необходимые для этого элементы можно было бы почерпнуть из DSGM (Dynamic Stochastic General Equilibrium Model – Динамическая стохастическая модель общего равновесия) и моделей общего равновесия с встроенным политическим механизмом, о которых упоминал В. Полтерович во время январской дискуссии 2007 г. по докладу А. Рубинштейна “К вопросу расширения чистой теории общественных расходов” [2, с. 128]. Впрочем, строить предположения всегда проще, чем тщательно исследовать.

Таким образом, модернизация неоклассической теории сопровождается выходом за пределы ее “защитного пояса” и даже “жесткого ядра” на институциональные “просторы”. Здесь нет ничего парадоксального. Напротив, содержание ЭСД отвечает важной гносеологической закономерности последних десятилетий – дальнейшее развитие и существование поздней неоклассики предполагают диалектическое отрицание ею собственной ортодоксии и экспансию в нерыночное пространство с подпиткой его интеллектуальными ресурсами.

Не менее значимой является тенденция интеграции ЭТЗ. Было бы наивно полагать, что доминирующая дифференциация ЭТЗ может быть преодолена разрозненными усилиями, вне системообразующего “видения” (Й. Шумпетер) экономических реалий и научных проблем в целом и искомой общедисциплинарной, интегративной КЭР в частности. Последняя призвана презентовать образ не отдельных сегментов экономики, что характерно для классической, неоклассической и институциональной КЭР, а экономики в целом как сложной человекообразной системы в контексте коэволюции природы и общества. Следует признать, что в арсенале ЭТЗ заявленному видению реальной экономики в большей мере соответствует научный конструкт “смешанная экономика интегративного типа”. На этом фоне присущие ЭСД интегративные элементы являются если и не ключевыми “картинообразующими”, то оригинальными и стимулирующими пересмотр и актуализацию интегративного потенциала ЭТЗ.

Взять, к примеру, комплементарность индивидуальной и социальной полезностей. Во-первых, из этой “клеточки” вырастают не только комплементарность индивидуальных субъектов рынка и государства, реализующего общественный интерес [2, с. 150], но и социодинамический мультипликатор экономического роста, [3, с. 281–283], социодинамическая модель товаров и услуг, а также многоплановые взаимосвязи благ и потребностей [4, с. 191–270], циклизм и эволюционизм которых (модели и связей) пока не оплодотворены современным инструментарием синергетики и эволюционной экономики. Во-вторых, авторы ЭСД не ограничиваются выводом “о необходимости синтеза “сильных” сторон неоклассики и институционализма” [3, с. 131] и продуцируют весьма перспективные идеи: социальные нормы, обычаи и стереотипы не отвергают концепцию рационального поведения, а делают ее более обоснованной (под индивидуальные предпочтения подводится прочный фундамент социально-психологических механизмов [3, с. 113]); именно институты определяют степень “видимости” для индивидуумов последствий потребления тех

или иных благ [3, с. 315]. В-третьих, по справедливому замечанию В. Полтеровича, экономический анализ "опекаемых благ" демонстрирует универсальную связь между всеми случаями государственной активности [2, с. 189], добавим, прежде всего, активности рыночной и институциональной.

Итак, ЭСД "космополитична". Начав свой путь у истоков классической КЭР, она освоила и пополнила потенциал неоклассической КЭР, шагнула в пространство институциональной КЭР с видением перспектив интегративной КЭР. Поэтому не будет преувеличением констатировать, что объектом ЭСД является смешанная экономика интегративного типа, а предметом — социодинамические комплементарные взаимодействия экономических субъектов, объектов и процессов.

Об идеалах и нормах научности ЭСД

Как и положено в науке, ЭСД выдержана в духе основных идеалов и норм научности (ИНН), аксиологии и праксеологии научной деятельности. Это верно в отношении всех уровней содержания известных видов ИНН: объяснения и описания, доказательности, обоснования и организации знаний. Поскольку эта проблематика уже рассматривалась нами более подробно [10, с. 68–82], здесь ограничимся отдельными замечаниями.

В силу известной космополитичности ЭСД весьма восприимчива к отвечающим духу времени ИНН, с которыми корреспондируют институциональная и интегративная КЭР. Правда, интенсивность такой восприимчивости различна. Так, в разветвливании ЭСД более очевидна роль принципа дополнительности, идеалов и норм непротиворечивости (выявления связей между новым и старым знанием), переноса истинности с одних фрагментов знания на другие, комплексности исследовательской программы, математического обоснования и объяснения; менее очевидна роль норм экспликации операционной основы понятий, учета аксиологических факторов, прагматической и конвенционалистской концепций истины.

ЭСД вряд ли состоялась бы без последовательного и продуманного использования общенаучного принципа дополнительности. Ее ключевым постулатом является комплементарность индивидуальной и социальной полезностей благ, из которой выводится комплементарность индивидуальных субъектов рынка и государства, реализующего общественный интерес к производству и потреблению социально полезных товаров и услуг [2, с. 150], а также благ частных и социальных. Дополняют друг друга законодательная и исполнительная ветви государственной власти, а также соответствующие действия государства по поддержке культурной деятельности [4, с. 473].

Однако в ЭСД комплементарность не тотальна и не "вездесуща". В промежуточной фазе динамического процесса с положительной обратной связью отдельный индивидуум не обладает индивидуальными и социальными (общественными) потребностями. Иными словами, комплементарны не индивидуальные и социальные потребности отдельных индивидуумов, а действия разных индивидуумов, одни из которых являются носителями НОП II рода, другие — традиционных индивидуальных потребностей. В заключительной фазе указанного процесса "общественные потребности становятся сводимыми и полностью растворяются в индивидуальных предпочтениях" [3, с. 221]. Таким образом, индивидууму отказывают в праве обладать индивидуальными и общественными потребностями, осуществляя с ними разного рода действия, в том числе операции комплементарности и субституции.

ЭСД "не свободна" от принципа субституции. Так, в латентной форме субституция присутствует в центральной лемме II. Поскольку благо Q приобретает некую двойственность — оставаясь частным благом для всех индивидуумов из множества K , оно выступает в качестве общественного товара для меритора и мегаиндивидуума [2,

с. 82], – то при определенных условиях из этой двойственности могут “произрастать” как комплементарность, так и субституция. Далее: государство и частный сектор могут замещать друг друга в производстве благ, прежде всего общественных. Субститутами могут быть и различные формы поддержки культурной деятельности, например, налоговые льготы и организациям культуры, и спонсорам этих организаций [4, с. 423–431]. Однако отдельные примеры лишь усиливают впечатление, что “сюжет” субституции в ЭСД (субституция потребностей индивидуумов ↔ субституция полезностей благ ↔ субституция благ ↔ субституция рынка и государства ↔ субституция видов эффективного поведения государства и т. д.) остается дискретным и незавершенным. Судя по всему, на данном этапе развертывания ЭСД авторы не ставили подобную задачу. Но, поскольку они не собираются останавливаться на достигнутом, неплохо бы поразмышлять над дополнительностью комплементарности и субституции, а вместе с тем – над субституцией комплементарности и субституции.

На фоне тотальной математизации ортодоксии, когда поражающие воображение экономико-математические конструкции нередко напоминают гору, которая родила мышь, желание А. Рубинштейна “отложить формулы “на потом” и разобраться в глубинном смысле применяемых категорий, не прячась за формальные обозначения” [2, с. 141], выглядит не по-мейнстримовски академично. Использование же в ЭСД математических моделей отнюдь не противоречит современным философско-научным канонам.

Во-первых, формальное доказательство социодинамической версии равновесия – условий равенства предельных издержек сумме предельной индивидуальной и предельной социальной полезностей блага [2, с. 75] – осуществляется посредством перенесения модели Викселля – Линдаля из смежной теоретической области в “сетку отношений” ЭСД и соответствующих содержательных операций с теоретическими абстрактными объектами (ТАО), их трансформации, придания им новых смыслов и взаимной адаптации. Таковы, например, изменение природы “цен Линдаля” и введение в обобщенную модель частного блага [3, с. 263–264]. Во-вторых, в процессе авторского обобщения модели Викселля – Линдаля осмысление математического аппарата стимулировало вербальные действия, а вербальные конструкции, в свою очередь, задавали координаты интерпретации математического аппарата. Возможно, принцип инверсии равновесных цен и количества блага, а также стандартных условий равновесия мог родиться именно благодаря подобному взаимодействию.

Как только вербальная научная конструкция математизируется, проблема адаптации математической модели к ней переплетается с проблемой экономического смысла модели в той “сетке отношений”, в которую она привнесена извне. Не является исключением и освоение модели Викселля – Линдаля в “сетке отношений” ЭСД. Если бы оно было завершено, то вряд ли возникли бы следующие вопросы “размышления” (см. рис. 1).

А. Если в исходной модели Викселля – Линдаля прямая S – это предложение общественного блага, то о предельных издержках и предложении какого блага идет речь в обобщенной модели Викселля – Линдаля? Частного? Социального? Двойственного частно-социального? Кто – государство и (или) частный сектор – и в каких объемах должен обеспечивать предложение этого блага? Каким суммированием и из каких прямых предложений образуется итоговая прямая? Не исключено, что эти вопросы банальны, а ответы на них – просты и неоригинальны. Но было бы логично эти ответы сформулировать.

Б. Если “в основе несводимого интереса U_s лежит не сам феномен потребления блага Q , а “ценностные суждения” по поводу уровня потребления такого блага” [2,

с. 82], то как это согласуется, например, со снижением объема спроса меритора на благо Q в ответ на рост цены последнего (см. рис. 1)? Означает ли это, что с изменением цены блага Q изменяются "ценностные суждения" по поводу уровня его потребления? Кстати, А. Рубинштейн отмечает, что "без потребления блага Q индивидуумами не может удовлетворяться интерес общества, и чем больше достается индивидуумам, тем в большей степени реализуется и общественный интерес" [2, с. 82]. Как в таком случае быть, например, с наркотиками и подобными им "благами"? Трудно предположить, что рост уровня их индивидуального потребления предопределяет большую степень реализации соответствующего общественного интереса, большую удовлетворенность общества указанным уровнем потребления. Насколько обобщающе приведенное замечание?

В. Как видно из рисунка 1, совокупному интересу U_I индивидуумов из множества K в отношении частного блага Q соответствует объем спроса на это благо Q_A , а нормативному интересу U_S в отношении этого же блага – объем спроса Q_B . Мегаиндивидуум и меритор потребляют ставшее для них общественным благо Q в одинаковом количестве Q_m [2, с. 82–83]. Почему же тогда $Q_m < Q_A + Q_B$? Каков экономический смысл $\Delta Q = (Q_A + Q_B) - Q_m$? Является ли в данном случае графическая модель равновесия адекватной содержанию лемм II и III? Возможно, ΔQ – дополнительный объем спроса на благо Q – является эмерджентным эффектом взаимодействия платежеспособных потребностей в благо Q мегаиндивидуума и меритора?

Г. Как показано на рисунке 1, мегаиндивидуум приобретает Q_A частного блага Q по цене P_A за единицу, а меритор покупает Q_B этого же блага, но по цене P_B . Уровень цены на благо Q как общественное для мегаиндивидуума и меритора ниже: $P_I < P_A$; $P_S < P_B$. Вследствие неперпендикулярного положения прямой S , во-первых, желателен ответ на следующий вопрос: "Почему?". Во-вторых, целесообразна дополнительная экономическая интерпретация сдвигов: из точки равновесия A в точку равновесия M ; из точки равновесия B в точку равновесия M ; из точки A в точку A^1 ; из точки B в точку A^2 . В-третьих, в дополнительных разъяснениях нуждается тезис: "...Мегаиндивидуум предъявляет спрос на благо Q в объеме $P_I Q_m$, а меритор – в объеме $P_S Q_m$. Следовательно, в точке равновесия $S(Q_m) = P_I Q_m + P_S Q_m$ " [2, с. 84]. Если исходить из принятого в стандартной микроэкономике различия спроса и объема спроса, то отрезки $P_I Q_m$ и $P_S Q_m$ равны цене приобретения блага Q в объеме Q_m мегаиндивидуумом и меритором, соответственно, а сумма этих отрезков равна отрезку $P_m Q_m$, который равен цене блага Q в точке равновесия M .

Не ставя под сомнение научную значимость экономико-математических обоснований и доказательств, следует признать их недостаточность для утверждения истины. Как известно, путь к ней и далек, и долог. Чтобы идти по нему, необходимо, во-первых, открыто и мотивированно заявить о приверженности той или иной концепции (концепциям) истины. Это может быть и оригинальная авторская концепция; во-вторых, выстроить адекватную систему способов обоснования истинности научных результатов и его алгоритм, "дорожную карту"; в-третьих, осуществить процедуру обоснования практически. Откровенно говоря, мне не известна ни одна экономико-теоретическая конструкция, обоснование которой соответствовало бы всем философско-научным канонам. Но это не мешает мне относить эти конструкции по классу к фундаментальной экономической науке и с уважением относиться к их авторам.

О генезисе и характере научной конструкции ЭСД

Рождение и развитие ЭСД в целом отвечают философско-научным стандартам взаимодействия экономической реальности и экономического знания. В опубли-

кованной в 1997 г. статье [6] Р. Гринберг и А. Рубинштейн представили ретроспективу коэволюции рыночной экономики и мейнстрим, что позволило им сформулировать первичную концептуально-теоретическую схему (модель) (КТСх) ЭСД, объединяющую базовую идею расширения неоклассической теории и принципы социальной мотивации, социального иммунитета, двойственности полезностей, ограничения рыночной организации, общественной поддержки производства и потребления благ, обладающих доминирующей социальной полезностью, субсидиарности неэкономических целей, прагматического демократизма.

Первая гипотеза (о социодинамическом процессе отрицательных и положительных обратных связей) – гипотетическая философско-теоретическая схема (ГФТСх) – в большей степени отвечает и первичной концепции ЭСД, и достигнутому к настоящему времени уровню развертывания ЭСД. Вторая гипотеза (о равенстве предельных издержек сумме предельной индивидуальной и предельной социальной полезностей блага), выделяющая промежуточную фазу социодинамического процесса и сконструированная в том числе путем перенесения теоретических абстрактных объектов (ТАО) из имеющегося неоклассического “набора” (предельная полезность блага, предельные издержки, общественное благо и др.) в новую “сетку отношений”, а потому носит характер гипотетической теоретико-эмпирической схемы (ГТЭСх), в большей степени соответствует предметному ядру ЭСД и пользуется приоритетным исследовательским вниманием авторов. Ни одна из гипотез не является результатом исключительно мыслительной теоретической обработки развитой эмпирической схемы по причине ее отсутствия. Однако для “плотного” теоретического пространства, в котором пребывает ЭСД, это и не обязательно. Вполне достаточной оказалась целенаправляющая роль таких эмпирических правильностей, как “болезнь цен” В. Баумоля, рост удельного веса государственных расходов в ВВП развитых стран, а также многочисленных обобщающих фактов государственной активности. Посредством последних интеллектуальный “лифт” между эмпирическим, теоретическим и прикладным уровнями ЭСД практически не останавливается. Диалектика такова, что разработка и попытки формального обоснования ГТЭСх катализировали соответствующие исследовательские операции с ГФТСх, а для теоретической составляющей ЭСД очерченные ГТЭСх рамки стали узкими. О чем идет речь?

Полученная в результате многолетней напряженной работы социодинамическая версия равновесия – обобщенная модель Векселля – Линдаля – и соответствующие ей леммы имеют принципиально важные признаки фундаментальной теоретико-гипотетической схемы (далее – ФТГСх) в сравнении с частными по отношению к ней теоретическими схемами Р. Масгрейва, Х. Марголиса и П. Самуэльсона (ЧТСх). Во-первых, принцип методологического индивидуализма не был отброшен (исключая его абсолютную версию), а стал составляющей более общего принципа методологического коммунитаризма. Во-вторых, подобным образом постулат несводимости не перечеркнул значимость постулатов сводимости и своекорыстия. В-третьих, обобщенная модель Векселля – Линдаля верна для любого набора частных благ и благ, обладающих социальной полезностью.

В то же время эти признаки фундаментальности теоретической схемы ЭСД отнюдь не исчерпаны и соседствуют с признаками неполной фундаментальности. Так, во-первых, ФТГСх остается, в известном смысле, гипотетической, поскольку процедура ее обоснования содержит “гипотезу А. Некипелова” о ценностной природе НОП. Во-вторых, как следует из анализа графической модели равновесия (см. рис. 1), процедура конструктивного обоснования ФТГСх не завершена. В-третьих, в ФТГСх не инкорпорированы имманентная частным схемам двойственность предпочтений

индивидуумов, их "двомыслие". Однако эта задача авторами ЭСД и не ставилась. Хотя, почему бы не попробовать?

По-видимому, ощущение известной несбалансированности ФТГСх – явного доминирования ее статической составляющей (обобщенная модель Викселля – Линдаля) над, собственно, динамической (социодинамический мультипликатор экономического роста), которая к тому же не инкорпорирована в обобщенную модель, – стало важной причиной более тщательного исследования социодинамических процессов. Его результаты, представленные в "Экономике общественных предпочтений", могут быть квалифицированы как частная теоретическая схема второго вида (далее – ЧТСх "Динамика" или ЧТСхД), в которой объединены основные, соответствующие философско-научным стандартам компоненты: "пуповина", связывающая ее с "материнской" ФТГСх (постулаты несводимости и комплементарности); разрабатываемая и обосновываемая гипотеза об изоморфизме совокупности благ и множества несводимых общественных потребностей [4, с. 33]; совокупность ТАО (потребности, блага, их свойства, циклы, квазициклы и др.); взаимосвязи ТАО в различных формах, как то типология благ, типология потребностей, законы и закономерности эволюции групп благ, в том числе в виде социодинамических циклов и квазициклов; общая социодинамическая эволюционная модель благ; непосредственно следующие из ЧТСхД адекватные ей элементы прикладной теоретической схемы "Динамика" (ПТСхД) – прикладные проблемы формирования и реализации общественных потребностей в социальной сфере (науке, образовании и культуре) [2, с. 147–148].

В то же время обнаруживаем известную неполноту ЧТСхД по отношению к ФТГСх, детерминированную в том числе и неполнотой гипотезы об изоморфизме совокупности благ и множества несводимых общественных потребностей. О совокупности каких благ идет речь? Если руководствоваться постулатом изоморфизма, то – о несводимых благах [4, с. 99–100]. Но в таком случае уточненная формулировка – "гипотеза об изоморфизме совокупности несводимых благ и множества НОП" – оказывается уже беднее и ФТГСх и содержания труда [4], в которых фигурируют не только несводимые блага и потребности. Если же принять расширительную трактовку гипотезы – "гипотеза об изоморфизме совокупности благ и множества потребностей", – то обнаруживается известная неполнота ЧТСхД.

Если в ФТГСх и в обобщенной модели Викселля – Линдаля динамический аспект обозначен неявно, то государство как меритор – носитель и гарант реализации НОП, является ее неотъемлемым компонентом. Поэтому логичным и ожидаемым является развертывание последнего в особую ЧТСх "Государство" (ЧТСхГ), которая призвана обеспечить не только развернутую характеристику базового постулата "государство – рыночный субъект", но и необходимые предпосылки для построения соответствующей ПТСх "Государство" (ПТСхГ). Представленные в трудах [2; 3; 4] принципы эффективного поведения государства – соответствия между целями и средствами, необходимыми для их достижения; "Поланьи"; "Баумоля"; прагматического демократизма – и положения об иерархии социальных целей, регулировании рыночного оборота факторов производства, распределении и использовании средств, которыми распоряжается общество [3, с. 360–394; 4, с. 423–430, 452–470, 503–513], несомненно являются необходимыми компонентами ЧТСхГ.

Авторский вывод о том, что "детерминизм не выявляемых рыночным путем нормативных интересов общества несовместим с рыночными или квазирыночными процедурами распределения общественных средств, необходимых для реализации этих интересов" [2, с. 176], весьма симптоматичен. Таким образом, из четырех главных моделей финансового обеспечения реализации нормативных интересов общества –

административной; “на расстоянии вытянутой руки” *; квазирыночного распределения с использованием налогового механизма; “денежного голосования” потребителей – именно первая обеспечивает максимально допустимое соответствие между нормативными установками общества и выделенными для их достижения ресурсами, которое нарушается лишь по мере воздействия на распределение бюджетных средств эгоистических мотивов бюрократии, обусловленных ее “специальными интересами” [2, с. 175]. Где же в таком случае государство как рыночный субъект и инвестор?

Разумеется, попытки классически рыночной интерпретации распределительных процессов заслуживают внимания. Так, нормативы финансирования учреждений культуры действительно можно представить в качестве цены, по которой государство покупает у производителей культурных услуг их социальную полезность [2, с. 163]. Тогда, по этой логике, необходимые для покупки культурных благ денежные средства государство получает от продажи экономическим субъектам продуктов его собственной деятельности – услуг по защите прав собственности, информационных и т. п. Однако трудно предположить, по крайней мере сегодня, что активная научная разработка указанной проблематики позволит предложить механизм замены, скажем, налоговых изъятий рыночной куплей-продажей государственных услуг и перетоком, переходом “из рук в руки” соответствующих прав собственности. Такие классически рыночные сделки характерны для некоторых других видов государственной активности: в частности, государственное предприятие, работающее в рыночном режиме; купля-продажа государством активов по рыночным ценам; государственные прямые инвестиции, ориентированные на прибыль и конкурирующие с коммерческо-частным государственным кредитованием экономических субъектов. Сюжет об использовании указанных видов активности для реализации НОП требует более пристального авторского внимания.

Но возможно ли и необходимо ли полномасштабное абстрагирование от “нерыночности” государства как экономического субъекта? Характер активности любого экономического субъекта определяется не только окружающей средой, но и его внутренней природой, поскольку исследователи “обречены” на попытки адекватного научного отражения объективной диалектики рыночной и нерыночной составляющих активности государственной власти, в том числе каждой ее ветви. Такой подход характерен для фрагментов ПТСхГ в труде [4]. Но как инкорпорировать “рыночно-нерыночное” государство в ФТГСх? Преимущественно нерыночный меритор представлен здесь функцией социальной полезности. Возможно, государству как собственному рыночному субъекту должно предоставить достойное его место в составе мегаиндивидуума? Однако предположения могут быть разные. Научно же выверенная модификация ФТГСх возможна только по результатам существенного развертывания ЧТСхГ и ПТСхГ. Принципиально важно, что в ЭСД запущен “маховик” взаимодействия и взаимообогащения фундаментальной, частных и прикладных схем как итерационный процесс обретения все более истинного знания (рис. 3). Наверное, его скорость не может удовлетворить ее авторов и некоторых критиков. Но, как говорят в Китае, “лучшее – враг хорошего”.

Следовательно, ЭСД является активно развивающейся, отвечающей отечественным научным традициям, мировым стандартам и вызовам современных реалий, весьма сложной интегративной научной конструкцией, которая включает взаимодействующие эмпирическую, концептуальную, гипотетическую, теоретическую и

* В этом случае правительство определяет только общие объемы выделяемых средств, а их распределением ведают не зависящие от правительства посреднические организации – фонды поддержки искусства, культурного наследия, образования, науки и т. п. [2, с. 175].

прикладную составляющие с онтологическими перспективами обретения статуса учения. Если же учесть фактический выход ЭСД за рамки методологического индивидуализма и неоклассической КЭР в пространство методологического коммуитаризма и институциональной КЭР, а также весомую заявку на постнеклассичность философских оснований, идеалов и норм исследования, то не исключено, что ЭСД знаменует начало локальной научной революции, которая при соответствующем развертывании может стать сопоставимой с кейнсианской. Вполне вероятно активное участие ЭСД в становлении экономического коммуитаризма или коммуитарной экономики. Нельзя недооценивать интегративный потенциал ЭСД, возможности ее участия в формировании интегративной КЭР, что само по себе сопоставимо с развитием нового — синтетического или интегративного — направления современной экономической мысли. С учетом современных украинских экономических реалий важным является постулируемый ЭСД интегративный образ государства как представителя всего общества, защитника общенациональных интересов, гармонизатора экономических взаимодействий разных социальных кластеров, равноправного рыночного субъекта и модератора эффективного инновационного развития.

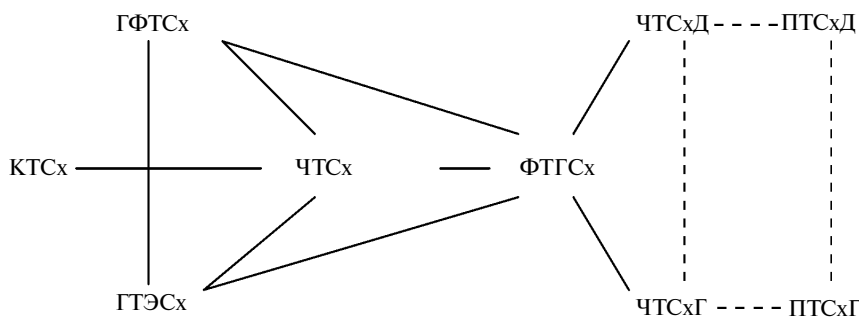

Рис. 3. Схема генезиса ЭСД и взаимосвязей ее компонентов

Прямая линия — разработанные и обоснованные в ЭСД взаимосвязи схем,
пунктирная линия — взаимосвязи схем, требующие дополнительных исследований.

Философско-научное тестирование ЭТЗ является в то же время и экономико-теоретическим тестированием философско-научных постулатов. С учетом изложенного, ограничимся двумя констатациями. Во-первых, в философско-научном арсенале ЭСД содержатся весьма перспективные для философско-научного осмысления и применения элементы — тестовый вопрос, “лингвистическая ловушка”, “индуктивные прививки”, критерии типологизации и др. Во-вторых, в стандартной философии науки выделяется рассмотрение “чистых” научных конструкций. Например, теория как таковая не имеет каких-либо “примесей”, скажем, гипотезы или учения. Между тем в реальных исследовательских процессах доминируют не “чистые”, а смешанные научные конструкции. Поэтому приближение философии науки к научной “практике” предполагает разработку соответствующего изучению смешанных конструкций философско-научного инструментария.

Список использованной литературы

1. Тарасевич В.Н. Экономико-теоретическое знание: строение, структура и генеза в философско-научном измерении // Экономика Украины. — 2014. — № 2. — С. 29—50.
2. Рубинштейн А.Я. Рождение теории: разговоры с известными экономистами. — М. : Экономика, 2010. — 224 с.

3. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики: экономическая социодинамика. – М. : ИЭ НАН, 2008. – 540 с.
4. Рубинштейн А.Я. Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса. – СПб. : Алетея, 2008. – 560 с.
5. Мысливченко А.Г. К вопросу о мировоззрении А.П. Чехова // Вопросы философии. – 2012. – № 6. – С. 104.
6. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Социальная экономика: введение в новую аксиоматику // Российский экономический журнал. – 1997. – № 1. – С. 77–89.
7. Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. – М. : Бизнес Атлас, 2010, С. 139–145.
8. Etzioni A. The Spirit of Community: Rights, Responsibilities and the Communitarian Agenda. – New York : Crown Publishers, 1993. – P. 5–16.
9. Хэндс У. Нормативная теория рационального выбора: прошлое, настоящее и будущее // Вопросы экономики. – 2012. – № 10. – С. 52–75.
10. Тарасевич В.Н. Экономико-теоретическое знание: опыт философско-научного тестирования. – Днепропетровск : ТОВ “Типографія Україна”, 2014. – 110 с.

References

1. Tarasevich V.N. *Ekonomiko-teoreticheskoe znanie: stroenie, structura i geneza v filosofsko-nauchnom izmerenii* [Economic-theoretic knowledge: construction, structure, and genesis in the philosophical-scientific dimension]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2014, No. 2, pp. 29–50 [in Russian].
2. Rubinshtein A.Ya. *Rozhdenie Teorii: Razgovory s Izvestnymi Ekonomistami* [Origination of a Theory: Conversations with Known Economists]. Moscow, Ekonomika, 2010 [in Russian].
3. Grinberg R.S., Rubinshtein A.Ya. *Osnovaniya Smeshannoi Ekonomiki: Ekonomicheskaya Sotsiodinamika* [Foundations of a Mixed Economy: Economic Sociodynamics]. Moscow, Institute of Economy of RAS, 2008 [in Russian].
4. Rubinshtein A.Ya. *Ekonomika Obshchestvennykh Preferentsii. Structura i Evolyutsiya Sotsial'nogo Interesa* [Economy of Social Preferences. Structure and Evolution of Social Interest]. St.-Petersburg, Aleteiya, 2008 [in Russian].
5. Myslivchenko A.G. *K voprosu o mirovozzrenii A.P. Chekhova* [To the question of A.P. Chekhov's outlook]. *Voprosy Filosofii – Questions of Philosophy*, 2012, No. 6, p. 104 [in Russian].
6. Grinberg R.S., Rubinshtein A.Ya. *Sotsial'naya ekonomika: vvedenie v novuyu aksiomatiku* [Social economy: introduction into a new axiomatics]. *Ross. Ekonom. Zh. – Russ. Econ. J.*, 1997, No. 1, pp. 77–89 [in Russian].
7. Makarov V.L. *Sotsial'nyi Klasterizm. Rossiiskii Vyzov* [Social Clusterism. Russian Challenge]. Moscow, Biznes Atlas, 2010, pp. 139–145 [in Russian].
8. Etzioni A. The Spirit of Community: Rights, Responsibilities and the Communitarian Agenda. New York, Crown Publishers, 1993, pp. 5–16.
9. Hands W. *Normativnaya teoriya ratsional'nogo vybora: proshloe, nastoyashchee i budushchee* [Normative rational choice theory: past, present, and future]. *Voprosy Ekonomiki – Questions of Economy*, 2012, No. 10, pp. 52–75 [in Russian].
10. Tarasevich V.N. *Ekonomiko-teoreticheskoe znanie: opyt filosofsko-nauchnogo testirovaniya* [Economic-theoretic knowledge: experience of philosophic-scientific testing]. Dnepropetrovsk, Tipografiya Ukraina, 2014 [in Russian].